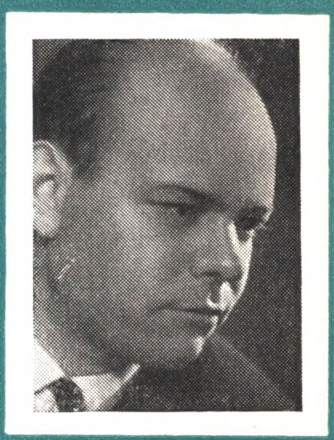
Библиотечка избранной лирики



Владимир Фирсов

Татьянке
от Люды!
22/XII·71 г.

Библиотечка
избранной
лирики

ВЛАДИМИР ФИРСОВ

Издательство ЦК ВЛКСМ
,,Молодая гвардия“
1967

Фирсов Владимир Иванович
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия», 1967.
32 с. («Б-чка избранной лирики»)

Редактор *И. Грудев*
Художник *А. Власова*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *А. Захарова*

Сдано в набор 6/V 1967 г. Подписано к печати 3/VIII 1967 г. А01306. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 3. Печ. л. 1(1,4). Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 132 000 экз. Цена 12 коп. Т. П. 1967 г., № 398. Зак. 938.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

7—4—2

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Составляя эту книгу, я намеренно отдал большее предпочтение тем лирическим стихам Владимира Фирсова, в которых наиболее полно, наиболее задушевно выражено чувство природы, чувство любви и красоты, таким, как «Крыло зари смахнуло темноту...», «Зря не ревнуй...», «Я рассветной дорогою мимо речки иду...», «Время спать. Но я опять не сплю...». Присутствие этих стихов, на мой взгляд, расширит и оспорит то представление о поэте, которое пытается внушить критика. По ней Фирсов — поэт сугубо гражданской, точнее — полемическо-гражданской темы. Казалось бы, хорошо, что критика заметила чуть ли не главную черту его творчества, но, упуская из поля зрения стихи, названные мной выше, она с большой легкостью упрекает его в прямолинейности и прочих грехах, а между тем в лучших своих стихотворениях Вл. Фирсов тонок в наблюдениях жизни.

Да, мы не замечаем красоту...
Мы что-то ищем.
Что? Не знаем сами.
И смотрим, смотрим, смотрим
За черту
Той красоты,
Что вечно рядом с нами.

Да, Владимир Фирсов полемичен. Даже в стихотворении о соловье, погибшем от удивления и восторга жизни, поэт сумел сказать: «Был соловей типичный «лакировщик», поскольку он восторга не скрывал». Полемичность всегда была в лучших традициях русской классической и советской поэзии. Но полемика полемике рознь. Есть такая, что не поймешь, из-за чего сыр-бор разгорелся. А иной поэт придумает себе

противника и спорит. Придуманного оппонента легко победить. Вл. Фирсову в подобной выдумке нужды не было. Казалось бы, споры носили литературный характер, но за ними стояла жизнь, и они получили широкий общественный резонанс. В свое время группа молодых поэтов начала выдвигать на первое место лирического героя-скептика, героя, ошеломленного жизнью, а вернее, испугавшегося жизни. Вл. Фирсов был одним из тех молодых, кто встретил такого «героя» в штыки.

В связи с этим мне хочется сказать несколько слов о стихотворении «На родине», представляющем в этой книге стихи гражданской темы. Вот его содержание. Старый профессор, «расщепляющий атом», приехал в родную деревню погостить, потому и приехал, что его время идет к смерти. Но беспокоит старого профессора не смерть, а будущее науки. Прощаясь с мужиками, он говорит: «Сыновей, мужики, присылайте в науку. Мы без них пропадем, мужики!»

После таких жестоких слов легко заподозрить Вл. Фирсова, как это уже сделала критика, в пренебрежительном отношении к интеллигенции. Но торопиться с таким выводом не надо. Не случайно же при приеме в высшие учебные заведения нынче требуется трудовой стаж. Белоручки в науке не нужны, а старый профессор, видимо, повидал их достаточно.

Конечно, у поэта Вл. Фирсова есть и недостатки, но в данном случае в задачу входило представить его тем, чем он сегодня интересен. Поэт еще молод и весь в развитии. Он родился незадолго до Отечественной войны и успел увидеть разоренную Смоленщину, успел увидеть того настоящего героя, который поднял ее из руин.

Вас. Федоров

* * *

Неужели меня
От дождя не укроет береза,
Та береза,
Которую я укрывал от мороза
Старым дедовским ватником,
Старым своим одеялом,
Чтоб она выживала
И вновь по весне оживала.
Укрывал и не знал,
Что она не боится мороза...

Неужели меня
От дождя не укроет береза?

УДИВЛЕНИЕ

Мне нравилось размашистое пенье
Погибшего от песен соловья...
Он жил в каком-то диком удивленье,
Нисколько удивленья не тая.

В озвученной
И бесконечной шири,

Закрыв глаза,
Сидел среди ветвей.
Всему тому,
Что дважды два — четыре,
Душевно удивлялся соловей.

Все удивляло:
Озеро черемух,
И воздух, что от ландыша хмельной,
И первый взрыв полуденного грома,
Прошедшего над лесом стороной.

Все удивляло:
И гнездо на ветке,
Где дом его, отечество, семья...
Все это
Вместе с соловьихой верной
На песню подбивало соловья...

Со дна ручьев
Восходит вдохновенье,
Рождающее реки и моря.
Так песня началась —
От удивленья,
От неба, где затеплилась заря,
От тишины,
От задремавшей рощи,
От ветерка, что по ветвям сновал...

Был соловей типичный «лакировщик»,
Поскольку он восторга не скрывал,
Поскольку он не каркал, как ворона,
Молчал всю зиму в дальней стороне.

Дыхание ручьев
И говор грома
Он сохранил для песен о весне.

И пел певец!
И все казалось — мало.
Он голоса и песен не жалел.
Все соловья в природе понимало,
Все соловья на песню поднимало,
И он от удивления
Шалел!

Но, видно, от избытка вдохновенья
Не выдержало сердце у певца.
И смерть к нему пришла,
Как удивленье,
Забыв о том, что жизни нет конца.

* * *

И. Ф. Стаднюку

Когда душа перерастает в слово
И это слово
Начинает жить,
Не будьте же к нему весьма суровы
И не спешите
Скорый суд вершить.
Пускай звучит не так, как бы хотелось,
Вам надобно понять его суметь.
У слова есть рождение
И зрелость,

Бессмертие
И подлинная смерть.
И я живу, понять его стараясь.
И постигаю слова торжество,
К его бессмертью не питая зависть
И не глумясь над смертностью его.
И, поклоняясь
Неподвластным тленью
Словам всепотрясения основ,
Я вижу
Душ высокое горенье
В звучанье даже самых смертных слов.

НА РОДИНЕ

Мы и люди и боги,
Стерегущие эти края.
Не дымком самокруток,
А дымом эпохи
Закурила деревня моя.

Было грустно когда-то.
Не приходится нынче грустить.
Седовласый профессор,
Расщепляющий атом,
Приезжает к родне погостить.

И, тряхнув стариною,
Допьяна напоив полсела,
Сядет весело в сани
И снежной летит целиною
Молодецки:
— Была — не была!..

А потом за ответным
Угощением
Вечер пройдет.
Щуря очи хитро
От неяркого света,
Старина разговор заведет.

— Как, мол, дети?
Как внуки? —
Ровесников спросит.
И вдруг:
— Жаль, что вас, мужики,
Не хватает в науке! —
Скажет доктор наук.

А народ посмеется.
Наполнит стаканы народ.
И заметит профессор,
Что весело пьется,
И украдкой о чем-то вздохнет.

И умолкнет.
Ни слова.
Лишь будет очки протирать.
После молвит:
— Придется ли свидеться,
Выпьем ли снова?
Будто время — пора умирать.

Загрустит.
Не о смерти.
Скорее — наоборот.
— Да, не сладко в науке бывает,

Поверьте.
Но и ваша работа — не мед.

И, пожав на прощание каждому руку,
Скажет голосом, полным тоски:
— Сыновей, мужики, присылайте
В науку.
Мы без них пропадем, мужики!

* * *

Прохладный запах розовой сирени
Уводит в мир, далекий от стихов...
Я прислонюсь
К теплу твоих коленей
И не проснусь
До первых петухов.
Мир соловью с его страдой весенней,
Мир тишине полей и городов!..
Твои колени
Пахнут свежим сеном
И первым медом полевых цветов.
Вот видишь, вновь заговорил стихами,
Не потому, что соловей поет:
Ты вся —
Весна,
Ты вся — мое дыханье,
Тепло мое, желание мое!..
Вот и рассвет, просторы оглашая,
Зовет меня, приблизившись к мечте,
Писать
Стихи, с волненьем посвящая
Твоей высокой русской красоте.

ПОЛДЕНЬ

Был полдень сух
И безмятежно-светел.
Дремали клены в сонной тишине.
И вдруг нежданно
Навалился ветер,
И загудели крынки на плетне.

Запел плетень!
И это было гимном
Языческому шествию грозы.
И пыль кружилась над дорогой дымно,
И звонко бились рыжие овсы.

И с первой каплей,
С первым громом
Ливень
Ударил в огороды и сады!..
Почти неуловимый запах лилий
На землю опустился с высоты.

И было слышно,
Как ручьи бежали,
Скликая непоседливых ребят,
Как у стогов
Пугливо кони ржали
И прятали под брюхо жеребят.

Но как-то сразу
Стало тихо-тихо,
Как будто бы — ни ливня, ни грозы,
Над снегом зацветающей гречихи
Остыли грома гневные басы.

Молчали вербы, и молчали клены,
И радуга,
Упавшая в Десну,
Глядела как-то очень удивленно
На пахнущую небом тишину.

* * *

Я рассветной дорогою
Мимо речки иду.
И последнюю
Трогаю
В белом небе звезду.

Скоро солнце проклюнется
Из скорлупки зари.
Над рекой,
Как над улицей,
Пролетят сизари.

Входит облако в облако
И плывет надо мной,
Отражается в омуте
Заревой стороной.

Прячет белые лилии
Тростниковая дрожь.
Я не жду тебя, милая,
Знаю — ты не придешь.

Что поделать!
Невесело...
И, встречая зарю,

Одеянье невестино
Я березе дарю.

А колечко,
Что милая
Подарила в саду,
Я на чашечку лилии
Осторожно кладу.

Пусть играет,
Качается
На рассветной волне.
Речка с небом венчается,
Благодарная мне.

И уйду я далече.

Но и там,
Вдалеке,
Будет видеться речка
С кольцом на руке.

* * *

Зря не ревнуй.
Не надо мучиться,
Ведь ревность жизнь не облегчит.
Еще не родилась разлучница,
Что нас с тобою разлучит.

Ты знай
И помни эту истину:

Мы не разлучимся,
Пока
Друг друга согревают искренне
Два сердца — два материка.

Ты знай о том,
Что понапрасну я
Не тратил нежности запас.
И хорошо,
Что есть неясное,
Несказанное есть у нас.

Еще не высказано многое,
Еще все беды впереди.
И не ясна еще дорога та,
Которой нам с тобой идти.

А впереди —
То зори светлые,
То грозовые облака.
И наши думы заповедные
Земле ясны наверняка.

Земле понятно птичье пение
И ранний шорох тростников.
Понятно ей
Сердцебиение
Двух крошечных материков.

На ней влюбленные встречаются,
По ней идут,
Как мы теперь.
На ней, бывает, разлучаются,
Да только ты тому не верь.

Зачем тебе сомненьем мучиться,
От ревности сходить с ума?

Земля
Не вынесет разлучницы,
Пока не разлучит
Сама.

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Родина, суровая и милая,
Помнит все жестокие бои...
Вырастают звезды над могилами,
Славят жизнь по рощам соловьи.

Что грозы железная мелодия,
Радость
Или горькая нужда?!
Все проходит.
Остается — Родина,
То, что не изменит никогда.

С ней живут,
Любя, страдая, радуясь,
Падая и поднимаясь ввысь.
Над грозою
Торжествует радуга,
Над бедою
Торжествует жизнь!

Медленно история листается,
Летописный тяжелеет слог.

Все стареет.
Родина не старится,
Не пускает старость на порог.

Мы прошли столетия с Россией
От сохи до звездного крыла,
А взгляни — все то же небо синее
И над Волгой та же тень орла.
Те же травы к солнцу поднимаются,
Так же розов неотцветший сад,
Так же любят, и с любовью маются,
И страдают, как века назад.

И еще немало будет пройдено,
Коль зовут в грядущее пути.
Но святей и чище чувства Родины
Людям никогда не обрести.

С этим чувством человек рождается,
С ним живет и умирает с ним.
Все пройдет, а Родина —
Останется,
Если мы то чувство сохраним.

* * *

Время спать.
Но я опять не сплю...
Свет луны за окнами струится.
Не лунатик я
И не люблю
Этот свет с глазами мертвой птицы.

Выхожу из дома
И бреду
В снежное, полночное, лесное.
Ах, луна!
Ты снова надо мною
Заслоняешь дальнюю звезду.

Звездочка-малышка!
Не печалясь,
Подожди немного,
И луна
Поплывет,
Как парусник, качаясь,
И опять ты будешь мне видна.

Снова будешь весело лучиться
И гореть в космической дали.
Знаю,
Было нелегко пробиться,
Дотянуться светом
До Земли...
Мне ведь тоже было трудно:
Голод
В раннем детстве,
В юности — нужда.
Я с тобой в сравненьи очень молод.
Только знаю — это не беда.

Не беда, что многим не потрафил,
Что воюю,
Как и воевал,
Лишь бы звезды трудных биографий
Мертвый свет луны не затмевал.

ЯСНОЕ УТРО

Дымы
Уходят кверху,
И в ясном небе синем
Они стоят
Как вехи
Над селами России.

Они стоят, не дрогнув...
В любое время года
Они взлетают ровно,
Когда ясна погода.

И замирают гордо,
Зарю оповещая
И суетливый город
Спокойствием смущая.

Когда ж на небе
Тучи
И ветер дышит громом,
Ракитою плакучей
Дымы
Над каждым домом.

Но так или иначе,
Переживая немо,
Они свое отплачут
И снова смотрят в небо.

И, зорьку окликая,
Синеют
В небе синем,

И прямота такая
Сродни сынам России.

Но мы поднялись кверху
Не для того,
Чтоб падать!..

Стоят дымы, как вехи,
Как флаги на парадах.

Они легко взлетают
В любое время года.
И жаль, что прямота их
Зависит от погоды.

МОНАСТЫРЬ В ДАХАУ

Еще живет войны дыханье,
Еще стоят, крича, кресты...
А в бывшем лагере
В Дахау
Возводят женский монастырь.
Расчетливо и пунктуально...

Во искупление грехов
Здесь
Вместо камер
Будут спальни
Невест, не знавших женихов.
Здесь будут истово молиться
Над кровью проклятой земли.

Здесь будут прощены
Убийцы,
Что от возмездия ушли,
И будет
Тень креста
Качаться
Над страшным криком мертвых плит,
И будет многое прощаться
В елейном шепоте молитв...
Все станет буднично, законно —
Не то, что двадцать лет назад.
Туристы
Будут умиленно
Глядеть монахиням в глаза,
Читать на лицах состраданье,
О гуманизме говоря,
И жертвовать
На содержанье
Модерного монастыря
Лампады,
Крестики,
Иконы...

Но стоны мертвых
Будут жить.
Елейным словом,
Сладким звоном
Их не удастся заглушить.
Они, как птицы, будут биться
Над сталью вздыбленных ракет,
Напоминая,
Что убийцам
Прощенья не было и нет!

СЫНОВНЯЯ ВЕРНОСТЬ

И мне бы, я знаю, хватило
Несколько граммов свинца,
Чтоб встала моя могила
Вровень
С могилой отца.

Чтоб клена багровое знамя
Гудело
Осенней порой,
Чтоб солнце не гасло
Над нами —
Над батей и надо мной.

Чтоб видели росные травы,
Как сын,
Неразлучно с отцом,
По звездным бредет переправам,
Усыпанным вражьим свинцом...

Но я опоздал народиться.
А он не торопится,
Ждет —
Тот самый,
Что станет убийцей,
Когда ему время придет.

Мы с ним одногодки, к примеру.
Но разных отцов сыновья.
И он
Ненавидит ту веру,
В которую верую я.

И это бы ладно!
Однако
Он, верный заветам отца,
Малюя фашистские знаки,
Уже не скрывает лица.

Уже с откровеньем недетским
Меня он берет на прицел
За то,
Что я русский,
Советский,
За то,
Что, как видите, цел.

За то,
Что я жизнь понимаю,
За то,
Что я предан стране
И знамя отца поднимаю,
И знаю,
Что я — на войне.

САДЫ

Все деревня забывает —
Горе горькое,
Нужду,
Будто весело срывает
Груши-яблоки в саду,

Будто не было печали,
Той непрошеной беды,

Будто вовсе
Не дичали
И не падали
Сады,

Будто бы она не знает,
Сколько лет прошло с тех пор,
Как, усталости не зная,
По садам гулял топор.

А топор
Нещадно рушил
Эдакую красоту!
Были яблони и груши
С ароматом на версту...

Все деревня забывает.
Было —
Поросло быльем...

Нынче
Снова вызревают
Яблоки в саду моем.

Нынче снова озорует,
Подрастая, ребятня
И, конечно же, ворует
Яблоки и у меня.

И, как солнце в чистом небе,
Мне понятна эта страсть.

Мне же в детстве
Было негде
Даже яблока украсть.

При усадьбах было пусто.
Только кустики видны,
Только редька
Да капуста —
Как над речкой валуны.

Все деревня забывает
Горе горькое,
Нужду.
Пусть ребята обрывают
Груши-яблоки в саду.

Благодарные деревья
Тянут ветви за плетни.
И глядят глаза деревни
По-иному
В наши дни.

* * *

Обледенелый сруб колодца,
Журавль простуженно скрипит.
Зима смеется,
Сердце бьется,
Бадья обратно подается,
И колкий снег
Глаза слепит...
Жены своей не опасаясь,

Приникнет не один к окну:
Сугробов ведрами касаясь,
Идешь,
Красивая на зависть,
И гордо ждешь свою весну.

ГУСЛЯРЫ

В небе пасмурно-синем
Крик гусей замирает.
На далекой Псковщине
Гусляры вымирают.
Тонут
Белые гуси,
Улетают на юг.
Стонут
Звонкие гусли,
Отвыкают от рук.
Горечь вечной разлуки,
Свист
Осенних ветров.
И беспомощней руки
У глухих гусляров...
Ой вы, белые гуси!
Возвращайтесь назад...
Стонут звонкие гусли
И тревожно молчат.
Даже в озере Ильмень
Далеко-глубоко
Над мятежною стынью
Дремлют гусли Садко.
Ночью звездной и лунной

В угрюмой тиши
Пробегают
По струнам
Пугливо
Ерши...
Ну-ка, звону поддай-ка!..
Но, спускаясь с высот,
И луна
Балалайкой
Безголосой плывет.

В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ

Л. М. Леонову

Все реже копны можжевельника,
И все печальней гул берез.
Росинки в поредевших ельниках
Уже скользят подобьем слез.

О тишины недоумение!
Умолкли птичьи голоса.
Лесного жаворонка пение
Не потревожит небеса.

Над редколесьем, над туманами
Не хоркнет вальдшнеп в тишине.
Молчит над сонными полянами
Тетеревиный гимн весне.

Глядит природа удивленная
На человечьих рук дары:

Ложатся на траву зеленую
Гитары,
Ружья,
Топоры.

Костры полощутся под соснами,
По белизне берез снуют.
И вымирают травы росные,
И пьяно
Топоры поют!

Под молодым, но грустным месяцем
Хрипит транзистор тяжело.
И у палаток
Тускло светится
Бутылок битое стекло.

И, глухо шаркая подошвами,
Карманной мелочью звеня,
Танцуют мальчики дотошные,
Про нежность девочкам бубня.

Ты погляди, земля, внимательно
В настрой пустеющей души.
Какие же отцы и матери
Из них получатся,
Скажи!

Порастерявши совесть по лесу,
Их тени движутся в туман.
И на заре
Электропоездом
Они уедут по домам...

И забывают песни дивные,
Теряя птичьи голоса,
Уже почти декоративные
Великорусские леса.

ЖУРАВЛИ

М. А. Шолохову

Лед на реках растает.
Прилетят журавли.
А пока
Далеки от родимой земли
Журавлиные стаи.

Горделивые птицы,
Мне без вас нелегко,
Я устал от разлуки,
Будто сам далеко,
Будто сам за границей,

Будто мне до России
Не дойти никогда,
Не услышать,
Как тихо поют провода
В бесконечности синей.

Не увидеть весною
Пробужденья земли...
Но не вы
Виноваты во всем, журавли,
Что случилось со мною.

А случилось такое,
Что и осень прошла
И зима
Распластала два белых крыла
Над российским покоем.

И метель загуляла
На могилах ребят,
Что в бессмертной земле,
Как в бессмертии, спят,
Хоть и пожили мало.

Вы над ними, живыми,
Пролетали века.
И шептали их губы
Наверняка
Ваше трубное имя.

С вами парни прощались.
И за землю свою
Умирали они
В справедливом бою,
Чтобы вы возвращались.

Чтобы вы, прилетая,
Знали, как я живу,
Ведь за них
Я обязан глядеть в синеву,
Ваш прилет ожидая.

Ведь за них я обязан
Домечтать, долюбить.
Я поклялся ребятам,

Что мне не забыть
Все, чем с Родиной связан.

Вот и грустно: а может,
Я живу, да не так?
Может, жизнь моя стоит
Пустячный пятак,
Никого не тревожит?

Может, я не осилю,
Может, не устою?
Может, дрогну — случись —
В справедливом бою
За свободу России?

Прочь, сомненье слепое!
Все еще впереди:
Все победы, утраты,
Снега и дожди —
В жизни нету покоя!

Боль России со мною...
Не беда, что сейчас
Журавли далеко улетели
От нас,—
Возвратятся весною.

Не навеки в разлуке...
А наступит весна,
Журавлиная клинопись
Станет ясна —
К ней потянутся руки.

К ней потянутся руки —
Сотни, тысячи рук!...

Журавли,
Человек устает от разлук.
Значит, помнит разлуки!

КНИГИ ВЛАДИМИРА ФИРСОВА

(Библиографическая справка)

Березовый рассвет. М., изд-во «Советский писатель», 1959.
Вдали от тебя. М., изд-во «Молодая гвардия», 1961.
Зеленое эхо. М., изд-во «Советская Россия», 1962.
Память. М., изд-во «Правда» — библиотечка «Огонька», 1963.
Преданность. М., изд-во «Московский рабочий», 1964.
Горицвет. М., изд-во «Молодая гвардия», 1965.
Рябиновый пожар. М., изд-во «Советский писатель», 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

12 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ